

По зелёному газону по-хозяйски, важно и гордо, прохаживалась ворона — чёрная, блестящая, пёрышко к пёрышку. Очень красивая.

Ворона выгуливала своего уже подросшего птенца. Воронёнок был крупным, почти как мама, но ещё глупышок. Сквозь чёрные с синевой перья смешно топорщился пушок, а на голове торчал хохолок.

Маленький шалунишка с любопытством рассматривал что-то в траве, смешно крутил головой, наклонялся, отдалялся, делал резкие скачки то влево, то вправо. Бдительная мамочка ни на минуту не упускала сыночка из вида. Время от времени она выкрикивала то тревожно, то вопросительно: «Кар-р! Ка-а-ар?» — как будто спрашивала: «Где ты?»

Вот птенец остановился. Что это там? Что-нибудь вкусное? Или это тот, с кем можно поиграть? Однажды он долго гонялся за кузнечиком. Вдруг он быстро-быстро побежал — наверное, это и правда был кузнечик, — и убежал довольно далеко от мамы. Ворона немедленно последовала за ним. «Кр-р, кр-р», — ласково пожурила она сыночка, напоминая об осторожности.

Рядом с газоном на асфальтовую дорожку приземлилась ещё одна ворона. У неё была проблема с ногами — они были спутаны чёрным шнурком, и ворона неуклюже передвигалась короткими скачками. Потом остановилась и сидела так, понурая и грустная, уставившись в одну точку,

не проявляя никакого интереса к окружающему. Вся она была какая-то жалкая, тусклая.

Ворона-мама, увидев чужую, взлетела и уселась недалеко на металлические перила. Отсюда было очень удобно наблюдать. Она боком-боком передвигалась к концу перил, всё ближе и ближе к тому месту, где сидела гостья. Она вся напряглась, насторожилась, готовая защищать своё дитя.

Любопытка-малыш увидел, где сидит его мама, и решил присоединиться, но ворона угрожающе каркнула, и тот перелетел на безопасное расстояние.

Ворона на асфальте сидела равнодушная и безучастная. Вдруг вдоль озера стремительно пронеслась тень, и возле неё воинственно приземлился ворон-отец. Он грозно расправил крылья, угрожающе каркнул и стал наскакивать на бедную ворону: «Ка-ар-р, ка-ар-р», — кричал и кричал он. Он защищал своего малыша, свою семью.

Чужая ворона, равнодушно посмотрев на разъярённого ворона, тяжело взлетела и направилась в сторону леса. Долетит, не долетит? Было очень её жаль! Кто поступил с ней так жестоко?!

Воронёнок сидел в недоумении, но обрадовался, когда оба родителя подлетели к нему. Повернулся и пошёл по своим делам. Ворон что-то каркнул им на своём вороньем языке. Наверное, посоветовал быть внимательными. И снова улетел на высокое дерево, на свой наблюдательный пункт.

На следующий день милое семейство снова прогуливалось по берегу озера. Малыш важно топал у самой воды. Он наклонял голову, высматривал что-то в озере, косился то одним, то другим глазом. Затем вошёл в воду, постоял немного, вытащил ногу и внимательно на неё посмотрел, опустил, вытащил другую и так же внимательно стал её рассматривать — ничего не изменилось. И вдруг он увидел своё отражение, ткнулся носом, испугался и выскочил на берег. Постоял немного — никого. Снова вошёл в озеро и начал смело вышагивать по воде, весело шлёпая и шагая туда и обратно. Вернулся к берегу, стал высматривать что-то в тине, выхватил и начал усиленно трясти клювом. Кого-то выловил. Какой же он забавный!

Родители на этот раз были вместе и наблюдали за птенцом издали. Видимо, это воспитательный приём. Они то отлетали

к пирсу и сидели там на спинке скамейки, то неторопливо бродили вдоль озера, не выпуская воронёнка из поля зрения.

И вот со стороны леса снова прилетела несчастная ворона. Она тяжело приземлилась на контейнер, стоящий у озера. Шнурок теперь болтался на одной ноге. Ей, видимо, удалось развязать его сильным клювом, но она не стала веселее и выглядела ещё более удручённой. Почему она прилетает именно к этой семье? Может, когда-то это были её родители или она потеряла здесь своего птенца? Ворона, нахохлившись, сидела на крыше контейнера. Вся она была какая-то неопрятная. Казалось, что она слепая и глухая.

Ворон и ворона насторожились, приняли воинственный вид.

Но тут малыш-воронёнок вдруг легко взлетел, приземлился на другом конце контейнера и стал приближаться к вороне маленькими шажками. Может, решил посочувствовать? Но родители тревожно каркнули. Гостья встрепенулась, так же тяжело поднялась и медленно полетела в сторону леса. Воронёнок удивлённо посмотрел ей вслед. Больше она не прилетала.

Одержав победу, дружное семейство объединилось на своём любимом газоне. Они были счастливы, они были вместе. Воронёнок вышагивал по траве, высоко поднимая ноги. За ним короткими скачками следовала мама, а немного поодаль завершал шествие гордый отец семейства.

Мы всё-таки проследили за несчастной вороной. Она жила в ближнем лесочке на высокой ели. Оказывается, там у неё было гнездо, но жила она в нём одна. Что могло произойти, что стало с её семьёй? Было ли это связано с её спутанными ногами?

К пирсу она больше не прилетала. Грозное предупреждение отца семейства сделало своё дело. Теперь она наблюдала за ними издалека.

Ворона становилась всё грустнее: казалось, жизнь уходит из неё. Она медленно, тяжёлыми скачками, передвигалась вдоль озера, и длинный чёрный шнурок волочился за ней. Она уже не обращала на него внимания.

Обречённость была во всём её облике. Ела ли она что-нибудь?

Мы бросали кусочки хлеба, котлеты, но ворона ни на них, ни на нас не обращала никакого внимания. Но стоило

сделать шаг в её сторону, она испуганно взмахивала крыльями, втягивала голову и делала неуклюжий скачок от нас. Она слабела на глазах.

А ястребы кружили над озером и наблюдали с высоты своего полёта. Стоило нам удалиться, они стремительно падали вниз и собирали всё, что мы оставляли. Остатки подбирали другие птицы и доброжелательная, весёлая местная дворняжка. Мы с мужем рассуждали: как же помочь бедняжке?

— Естественный отбор, — сказал мужчина, наблюдавший за нашими бесполезными стараниями.

— Какой же это естественный отбор, если ей какой-то злодей спутал ноги шнурком? Нужно попытаться её спасти.

— Сара, Сара, — звала я её, постукивая пальцем по асфальту.

Мы назвали её Сара, это было созвучно тому, как вороны иногда кричат: «Карла, карла».

Через несколько дней нам уезжать; если мы не поможем бедняжке, уедем отсюда с тяжёлым сердцем. Сара непременно погибнет.

Вскоре мы заметили, что ворона стала нам доверять, узнавать и не шарахаться при нашем появлении. Постепенно она позволила приближаться к ней ближе и ближе. Вот она не отскочила от брошенного кусочка булки, с жадностью его проглотила, косясь по сторонам: нет ли конкурентов?

Вороны очень умные, мудрые и осторожные птицы. Мы радовались и были тронуты её доверием. Она стала увереннее, бодрее. Теперь не мы пытались приблизиться к ней, а она подлетала к месту кормёжки, едва завидев нас. Сара почувствовала в нас друзей, спасителей.

Шнурок на ноге стал грязным и тяжёлым. Как она ещё, бедолага, нигде не зацепилась? Как же разрешить эту проблему?

Решили попробовать подойти к ней совсем близко и аккуратно наступить на шнурок. Это будет сильнейший стресс, но иначе не поможешь. Что, если кормить её кусочками сырого мяса, чтобы ещё больше её заинтересовать и усыпить бдительность?

Два дня мы прикармливали Сару мясом. Казалось, ещё немного — и она начнёт брать его с рук. Ворона стала живее, активнее. Если бы не шнурок!

Она смешно наклоняла голову и косилась, увидев, что мы достаём мясо из пакета. Ястребы не уставали кружить над нами, а стаи ворон наблюдали со всех возвышенностей и даже пытались приблизиться. Мы бросали им кусочки хлеба подальше, чтобы они нам не мешали.

И вот — решающий момент. Бросили Саре сразу несколько кусочков мяса; я очень осторожно, медленно, приставным шагом, стала приближаться к шнурку. Ворона на моё приближение не реагировала: или доверяла, или увлеклась трапезой. Но — ура! — мне удалось наступить на шнурок.

Подождав, пока она съела всё мясо, осторожно накинули на неё лёгкий платок. Странно, но она не дёрнулась, не каркнула, а затихла под платком. Смирилась с судьбой?

Муж аккуратно взял её на руки и нежно погладил сквозь платок. Я достала ножницы, открыла флакон с зелёной, освободила от платка больную ногу, нащупала узел — он был довольно тугой. Чтобы удалить с ноги шнур, нужно было срезать узел.

Шнурок был от обыкновенных чёрных кроссовок. Но от влаги и грязи узел стал грубым, жёстким. Хорошо, что ножницы были очень острыми, маникюрными. Ворона не шевелилась, она полностью доверилась нам, но у меня не хватало сил разрезать этот проклятый узел.

Решили поменяться местами. Я аккуратно взяла ворону, а муж — ножницы. У него сил больше, и, наконец, удалось срезать узел — ненавистный шнурок лежал у наших ног.

Кожа на ноге была стёрта до крови. Обильно смазав рану зелёной, опустили пленницу на траву и аккуратно сняли платок. Дальше всё сделает сама природа. Ворона сидела без движений. У неё был шок. Она не могла понять, что с ней...

Мы отошли подальше и наблюдали. Я испугалась, что к ней вернулось состояние отрешённости, обречённости и страха. Может быть, внутренне она уже мертва?

Но вот ворона встрепенулась, шагнула в сторону озера, проскакала до воды и, расправив крылья, полетела над озером к лесу, но у леса развернулась, долетела до нас и сделала над нами прощальный круг!

Можно было заплакать... от радости!